

Митрополит Иларион: В творчестве художника важны духовные ценности

27 сентября 2014 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Вести-24» митрополит Волоколамский Иларион, стал народный художник СССР Александр Шилов.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы поговорим о религиозной теме в изобразительном искусстве. У меня в гостях – народный художник СССР Александр Шилов. Здравствуйте, Александр Максович!

А. Шилов: Здравствуйте, владыка!

Однажды меня познакомили с иконописцем, который трудился в небольшом храме, очень уютном и намоленном. Храм находился недалеко от железнодорожной станции «Удельная». Настоятель храма отец Владимир как-то попросил меня написать портрет владыки Серафима. Владыка мне позировал раз или два. Он был преклонного возраста, очень больной, ему было тяжело сидеть, но я написал его портрет с удовольствием. Это был мой первый натурный портрет деятеля Церкви, священнослужителя.

Митрополит Иларион: Интересно, что в русском изобразительном искусстве XIX века довольно мало образов духовенства. Есть, например, известная картина В. Перова «Чаепитие в Мытищах», где изображен священнослужитель, такой важный и самодовольный, – скажем, не самый привлекательный. Но в целом, образы священнослужителей мало привлекали наших великих художников, хотя эти образы могут быть весьма выразительными.

А. Шилов: Например, «Протодиакон» И. Репина. Это символ русских протодиаконов.

Митрополит Иларион: Конечно, в русской живописи было много религиозных образов, не обязательно священнослужителей. Это образы из Священного Писания.

У наших художников были замечательные образы Христа. Всем известна картина «Христос в пустыне» Ивана Крамского. Эта картина, с одной стороны, несет в себе некую предысторию иконописной традиции, с другой – это классическое произведение академической живописи. Созданный Крамским образ не божественен и не сверхъестествен. Христос изображен как человек, но Его человеческий образ очень привлекателен. Имея земной облик, Он воплощает идею

невидимого мира, являя вместе с тем образ Божий. Неслучайно эта картина приобрела большую популярность, в том числе и в Церкви. Мне приходилось ее видеть в некоторых сельских храмах наряду с иконами.

А. Шилов: Изумительна также картина А. Иванова «Явление Христа народу», над ней художник работал в течение 20 лет и считал ее незаконченной.

В своей мастерской Иванов вел уединенную, затворническую жизнь, он был человеком верующим, это видно по его подходу – настолько он выразительный. Изумительная картина, я считаю, что одна из лучших (если не самая лучшая) на библейский сюжет, написанная на пленэре. Все фигуры были написаны не в мастерских, а на природе, при свете солнца, и это придает картине еще большую реалистичность. Особое значение А. Иванов придавал достоверности и выразительности пейзажа, уделял внимание проработке каждой детали.

Все это говорит о его религиозном отношении к этой теме. Ведь для таких произведений недостаточно одного таланта художника и познаний им искусства, необходимо еще высшее настроение духа. Конечно, настоящий художник, такой как Иванов, очень требователен, по натуре самоед. Закончить картину, сказать, что я сделал все, что мог – всегда очень тяжело. А. Иванов – это подвиг и пример для всех художников.

Митрополит Иларион: Его картина поражает тем, что Христос действительно изображен вдали, Он не на переднем плане, не в центре композиции. Например, при написании иконы такое практически невозможно, за исключением житийных сцен. Если пишется икона Христа, то Христос всегда будет изображен в центре.

На своей картине А. Иванов изобразил, прежде всего, человеческое сообщество, людей, которые ожидают пришествия Христа. Все они очень разные: люди, уже совершившие святое омовение и слушающие пророка; надменно хмурые лица книжников и фарисеев; кроткие, порой даже скорбные, женские лица. Бледное, изможденное лицо самого Предтечи и его огненный взор... Они на переднем плане, а Христос появляется на вершине горы, Он едва обозначен идущим по каменистому пути. Все в Его фигуре указывает на Его Божественное происхождение. Фигурка Его маленькая, но именно она духовно доминирует во всей картине.

А. Шилов: Это единственный пример, когда фигура очень далеко, но к ней обращены взгляды людей: здесь богатые и бедные, юные и старые, невинные и грешные; и те, что сразу отозвались сердцем на появление Искупителя, и те, что продолжают сомневаться, что Спаситель явился народу. Психологически эта картина выверена очень тонко и сделана блестяще. Все лучи сходятся на образе Иисуса Христа.

Митрополит Иларион: Если вернуться к образам священнослужителей, то в Вашем творчестве они играют существенную роль. Среди Ваших работ есть несколько портретов одного и того же священнослужителя; есть портреты как уже почивших, так и ныне живущих иерархов.

А. Шилов: Портрет Патриарха Пимена, который был до Патриарха Алексия II, я писал, когда, к сожалению, тот уже скончался. Я находился у его гроба пять часов, делал этюд. Незадолго до смерти Святейший мне позировал в своей резиденции в Чистом переулке, но по состоянию его здоровья работа не могла продолжиться...

Митрополит Иларион: Конечно, не все люди располагают временем, чтобы на протяжении нескольких часов позировать художнику. И все же художнику надо заставлять позировать ему...

А. Шилов: Помню, как несколько лет назад, придя в свой кабинет в галерее, художественным руководителем которой являюсь, я увидел в приемной священника. Его внешность меня просто поразила. Это был епископ Василий (Родзянко). Тогда я еще не был с ним знаком. Он посетил мою галерею со своими знакомыми.

Я благодарен судьбе, что познакомился с этим человеком. Я написал его портрет. Он редко приезжал из Америки, жил в скромной однокомнатной квартирке. Когда он приезжал, приходил ко мне в мастерскую и позировал для портрета. Помню, как он мне сказал: «Сколько надо, столько я и буду сидеть», - и это поразило меня. Мы не просто работали как два партнера, мне было очень интересно общаться с ним, он был необыкновенным собеседником. Когда его портрет был готов, он посмотрел на него и сказал: «Я у Вас как на Страшном суде, Вы вынули всю мою душу». Эти слова были лучшим комплиментом для меня, ведь для художника главное - выразить индивидуальность. Я очень сожалею, что он так быстро ушел из жизни, смерть всегда неожиданна, особенно если человек тебе дорог.

Митрополит Иларион: Интересно, что каждый художник видит своего героя по-своему. Например, Вы в своих портретах подчеркиваете, акцентируете индивидуальные черты, то есть если у человека на лице складка, она у Вас получается более резкой, чем в реальной жизни. Если у него морщины, то они, опять же, очень хорошо видны. Тогда как, например, художники-импрессионисты (взять, допустим, Ренуара) как бы сглаживали индивидуальные черты, и портрет получался в пастельных тонах, скажем, более условный. Существует определенный риск у человека, который садится позировать перед художником. Хотя мы знаем, что и фотографии очень сильно различаются.

А. Шилов: Тысячи фотографий одного и того же человека могут быть совершенно разными.

Митрополит Иларион: Да. Все зависит от того, как выставлен свет, как наведен объектив. Но у художника есть гораздо больше возможностей. В этом смысле каждый художник, как мне кажется, когда пишет другого человека, одновременно в какой-то степени пишет самого себя...

А. Шилов: ...свое отношение к модели.

Митрополит Иларион: То есть каждый портрет в некотором смысле становится и автопортретом тоже.

А. Шилов: Художник-портретист при абсолютно внешнем сходстве должен выразить внутренний мир, характер, натуру человека, которого пишет. Этому подчинено абсолютно все и мелочей здесь быть не может, разве что совсем незначительные, но это зависит от мастерства художника, от его интуиции. Так или иначе, художник обязан выразить внутреннюю суть.

Среди импрессионистов практически не существует портретистов в классическом понимании слова. Импрессионисты писали пейзажи. Потому что у них все «смазано». Но чтобы делать конкретно образ, нужно обладать и чутьем, и особым нервом, который художник независимо от воли обязательно передает в работе. Я должен чувствовать, кого пишу. Если я его не чувствую, то каким бы я ни обладал блистательным мастерством – все равно ничего не сделаю.

Митрополит Иларион: Не могу с Вами согласиться в том, что импрессионисты как бы «смазывали» и что это связано с отсутствием у них мастерства. Думаю, не следует полагать, что их живописи было свойственно только «пейзажное» восприятие действительности, в чем их нередко упрекали. Тематический и сюжетный диапазон их творчества был достаточно широк. Интерес к человеку в широком смысле был присущ ряду представителей этого направления.

Каждый художник, во-первых, видит по-своему сюжеты и отдельных людей, которых он изображает; во-вторых, каждая эпоха накладывает определённый отпечаток на те художественные стандарты, которые, так или иначе, проявляются в изобразительном искусстве.

У меня есть любимый художник – Эль Греко – человек, который стоял на стыке между иконописью и живописью. Его творчество можно назвать уникальным: своеобразная, вытянутая манера изображения предметов и форм, темная цветовая гамма, мистическое и эмоциональное содержание, неожиданные ракурсы – все это присуще его полотнам. Как Вы знаете, по происхождению он был греком. В молодости он писал иконы, которые сохранились до нашего времени. Потом оказался в Испании, стал живописцем. Но иконографический канон, который он хорошо знал, во многом предопределил особенности его творчества, в частности, его технику

письма. Такая техника позволяла создавать картины, сохраняющие светоносную силу и интенсивность цвета в музейных залах с плохим освещением или в темное время дня. Традиции средневекового византийского искусства проявляются в его выборе сюжетов, в том, как этот художник изображал фигуры.

Эль Греко был человеком, который написал довольно много образов священнослужителей своего времени, а также и аристократов, что было естественно, ибо за это хорошо платили. Мне кажется, что Эль Греко представляет собой очень хороший пример художника, с одной стороны, реалиста, который мог, когда хотел, вполне реалистично изобразить того или иного человека, с другой стороны, некоторые его картины по методу наложения красок, по живописному стилю скорее приближаются к импрессионизму. Но самое главное, что этот художник всегда через свои полотна передавал личный опыт, внутренний мир, свое видение тех сюжетов и лиц, которые он изображал.

А. Шилов: Это естественно. Художник, как писатель – если тот не владеет словом, он не в состоянии выразить свои мысли. Единственное средство выразить свою душу, свои чувства – это глубина сердца, помноженная на великое мастерство. Художник должен писать сердцем, потому что ума, способностей и только мастерства недостаточно. Необходимо чувство.

Помню, как писал портрет одной монахини, матушки Адрианы, с которой меня познакомил один мой товарищ, бывший военный разведчик. Знакомство с ней стало знаковым в моей жизни. Пока писал портрет матушки, мы много разговаривали. Она рассказала, что в 19 лет пошла на фронт, попала в армию Рокоссовского. Поскольку хорошо знала немецкий язык, ее определили в разведку. Ходила одна за линию фронта на прослушку немецких телефонных линий. Однажды такая вылазка едва не стала для нее последней. Немец ее застал, когда она прослушивала. В этот момент получила в спину удар автоматом. Она поняла, что ей конец, ее сейчас расстреляют – застигнута на месте преступления. «Вся я, – говорит, – как сейчас помню, съежилась, взяла пистолет, чтобы застрелиться». Немец заметил ее движение руки, вырвал этот пистолет, взял себе, а потом неожиданно ей говорит: «В общем-то, я с девчонками не воюю, уходи отсюда». Она не поверила в свое такое нечаянное спасение, нечаянную радость. «Я, съежившись, ожидая пули в спину, начала от него отходить в сторону леса», - вспоминала матушка. Вдруг немец ей говорит: «Остановись». Она остановилась, а он вынул пистолет и сказал: «Забери свое оружие, иначе тебя свои же расстреляют, если ты вернешься без табельного оружия».

После окончания войны она разыскивала его по лагерям, чтобы отблагодарить, но безуспешно. После войны работала в НИИ под руководством Сергея Королева, занималась конструированием баллистических ракет и двигателей для космических кораблей. А потом пришла к Богу, и уже в сознательном возрасте после шестидесяти приняла постриг и стала монахиней Пюхтицкого подворья в Москве.

Митрополит Иларион: Судьбы священнослужителей порой бывают очень интересными, хотя зачастую о них думают: «Вот священник – профессионал в своем деле, семинария, затем – академия, после чего служит на приходе». Судьба многих священнослужителей так и складывается. Но ведь немало и таких, у кого есть и вторая история – это история их молодости. Например, некоторые из них воевали на войне. Есть священнослужители, которые и сейчас совмещают свою службу с другими занятиями, на первый взгляд, совершенно никак не связанными с их главным послушанием.

Буквально на днях я был в Сербии, встречался с Сербским Патриархом, а в аэропорту меня встречал один епископ, который в разговоре случайно обмолвился о том, что завтра едет на учения к десантникам. Я его тогда в шутку спросил: «А Вы что, десантник?» И он мне ответил на полном серьезе: «Да, я этим летом совершил тридцать прыжков с парашютом». «А вы что, занимаетесь пастырским окормлением военнослужащих?» – спрашиваю. Он говорит: «Не только, но в том числе и этим. Я считаю, что военнослужащие не будут всерьез ко мне относиться, если я не смогу разделять все тяготы их жизни. Поэтому я вместе с ними участвую в учениях и прыгаю с парашютом».

Такие пастыри у нас тоже есть. Я рад тому, что образы священнослужителей сегодня привлекают внимание художников. В творчестве художника важны духовные ценности. Очень важно суметь передать на полотне живое христианское чувство, столь необходимое обществу в наши дни.

Спасибо, Александр Максович, что были гостем нашей передачи. Я желаю Вам творческих успехов.

Служба коммуникации ОБЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/51058/>